
Бай Яньчэн не ответил.

Потому что ответить было нечего. Если посчитать, знакомы они с бродягой уже три года, а имён друг друга так и не знают. Может, тот и слышал, как кто-то называл Яньчэна по имени — всё же крутился поблизости от института, — но сам Яньчэн понятия не имел, кто он такой. Знал лишь, что обитает где-то под пролётом четвёртой кольцевой, на широком пяточке у опоры моста.

Когда Хуа Юйюй спросил, кто это такой, Яньчэн молча покачал головой: мол, не знаю.

— Не знаешь? — Хуа Юйюй вытаращил глаза, на лице — смесь веселья и растерянности.

— Знаю, — невозмутимо произнёс Бай Яньчэн.

Знает, но кто такой — не знает. Противоречие, да и только.

У Хуа Юйюя было два неизлечимых недуга: неуёмное любопытство и болтливость. Человек, способный заинтересовать самого Бай Яньчэна, — редкость, а потому он обернулся, желая ещё раз взглянуть на бродягу. Но того уже след простыл: только что копался в мусорке — и нет его.

Бродяга растворился. Яньчэн решил, что тоже пора.

Он вернулся в кондитерскую, попрощался с Су Синье — перебросился парой дежурных слов, поинтересовался, всё ли в порядке, — забрал свежеприготовленный напиток и ушёл.

Солнце клонилось к горизонту. Наступал вечер.

Су Синье стянул рабочую форму, переоделся и вышел из комнаты отдыха с каменным выражением лица. День выдался переменчивым — настроение прыгало туда-сюда, а сейчас было в самой нижней точке, из тех, когда достаточно одного неосторожного слова — и взорвёшься.

Перекинув рюкзак через плечо, он зашагал к выходу широким шагом, мимоходом покосившись на Хуа Юйюя, который сидел на диване и сортировал монеты. Беззвучно фыркнул.

Если бы не этот болтун, Доктор Бай остался бы ждать его окончания смены.

Из этого могло получиться что-то красивое, памятное. Хуа Юйюй всё испортил.

— Эй! Уходишь и даже со своим боссом не попрощаешься?

Хуа Юйюй окликнул его с улыбкой, ссыпал горсть блестящих монет в жестяную коробку, бережно прижал её к груди — как самое дорогое сокровище — и вразвалочку двинулся наперерез, загородив дорогу у самой двери.

Су Синье смерил взглядом коробку в его руках и мысленно покачал головой: в эпоху цифровых платежей человек коллекционирует монеты и ещё получает от этого удовольствие. Станный тип.

— Во сколько сегодня в «Цветочную шкатулку»? — Хуа Юйюй, похоже, пребывал в отличном расположении духа — уголки губ упорно ползли вверх.

— Как настроение сложится, — буркнул Су Синье.

Хуа Юйюй замолчал.

Потом горестно вздохнул:

— Слушай, братишка, надо с этим что-то делать. Это я такой добрый — не держу зла на мелкие выходки. Другой бы давно уже тебя отчитал.

— И что ты сделаешь? — Су Синье не дрогнул ни единым мускулом. В красивых глазах мелькнул вызов. — Уволишь?

Хуа Юйюй мгновенно скис:

— Да что ты, побойся бога! — Голос стал заискивающим, почти жалким. — Это я так, к слову. Смотри, какую мину скорчил — увидит Яньчэн, решит, что я над тобой издеваюсь.

Стоило прозвучать этому имени, как что-то в Синье неуловимо изменилось. Хмурое лицо чуть разгладилось, взгляд потеплел, голос стал мягче:

— Сегодня не пойду. Белый Доктор знает, когда я заканчиваю. Отработаю завтра.

— Договорились! — Хуа Юйюй тут же поймал его на слове, в глазах загорелся огонёк. — Завтра компенсируешь. Не меньше часа.

Деньги для Босса Хуа были воздухом, которым он дышал. С тех пор как Хуа Юйюй заполучил в «Цветочную шкатулку» Одиннадцатого, выручка выросла в разы. Су Синье был самой настоящей ходячей золотой жилой.

— Завтра в девять вечера. Если Доктор Бай спросит — скажи, что у меня вечерняя смена. Если придёт, а меня нет — скажи, что приятель вытащил. — Синье проинструктировал его тщательно, не упустив ни детали.

Хуа Юйюй показал большой палец:

— Не переживай, разберусь.

Су Синье поправил чёрную оправу и повернулся к выходу.

Рука уже легла на ручку стеклянной двери, когда Хуа Юйюй бросил ему в спину:

— Я Яньчэна знаю. Если хочешь, чтобы он ничего не заподозрил, придётся поработать над своим характером.

Рука на ручке чуть сжалась. Синье не обернулся, спорить не стал. Губы сжались в тонкую линию; в глазах, невидимых для Хуа Юйюя, промелькнула смесь тревоги и раздражения. Помолчал несколько секунд — и молча толкнул дверь.

Хуа Юйюй смотрел ему вслед, пока силуэт не исчез за углом, и покачал головой с усмешкой.

Многие считали Су Синье грубияном: заносчивым, взрывным, невыносимым в общении. Те, кто знал его по-настоящему, думали иначе. За громким фасадом скрывался парень простой и незамысловатый — горячий, открытый, без двойного дна. В делах и в отношениях он не юлил и не хитрил. С двумя близкими друзьями он говорил о личном без утайки — охотно рассказывал, как продвигаются его отношения с Бай Яньчэном.

Неделя прошла тихо и уютно. Синье постепенно обживался в новом ритме: будни — в кондитерской, вечера — на сцене в баре, выходные — дома, рядом с Яньчэном. Насчёт выходных они с Хуа Юйюем заранее договорились.

Бай Яньчэн, конечно, немного удивился, что новый сосед не работает по выходным, — но расспрашивать не стал, решив, что так составили расписание.

С довольным видом Синье рассказывал Се Сяочжоу и Сюэ Цзя: с тех пор как он устроился в кондитерскую Хуа Юйюя, им с Яньчэном стало о чём разговаривать. Больше не нужно выжимать из себя темы про учёбу или Профессора Яня — теперь можно бесконечно обсуждать, какую очередную глупость отмочил Хуа Юйюй.

Хуа Юйюй был хорошим боссом и незаменимым расходным материалом в их с Яньчэном

разговорах. Примечательностей в Хуа Юйюе хватало на целые тома — каждый раз, когда Синье заводил о нём речь, беседа сама собой затягивалась.

Отношения между людьми строятся на разговорах. Су Синье и Бай Яньчэн служили тому наглядным примером.

Время летело незаметно. Уже больше полумесяца, как они жили под одной крышей.

С Бай Яньчэном Синье чувствовал себя всё свободнее. Прошло то взвинченное, почти лихорадочное напряжение первых дней — теперь он запросто здоровался с ним утром и вечером, не деревенея от волнения.

Яньчэн особых перемен не замечал. В его понимании это было нормальным течением совместной жизни — человек просто притёрся.

Впрочем, в последнее время он и думал о Синье меньше обычного. В институте начался новый проект, работы навалилось столько, что об отдыхе думать не приходилось: от завтрака до самого вечера коллеги носились как угорелые, а Старина Ся и Сун Фэйфэй порой вовсе оставались ночевать в институте. Яньчэн ночевать там не оставался, но и поблажек себе не давал — по указанию руководства несколько дней подряд задерживался на два часа сверх нормы, и домой возвращался уже в кромешной темноте.

Новый сосед появлялся ещё позже. Су Синье приходил далеко за полночь, первым делом нырял в ванную — и всё же Яньчэн всякий раз улавливал, как тот входит: от парня пахло чем-то чужим, совсем не вязавшимся с его образом примерного студента.

Запах не соответствовал легенде.

Яньчэн начал подозревать, что Хуа Юйюй сбивает хорошего мальчика с пути. Каждый раз, когда эта мысль всплывала, перед глазами вставали добродушные лица Профессора Яня и его супруги.

В один из свободных часов он позвонил Хуа Юйюю — мягко, но внятно намекнул, что не стоит так поздно задерживать Су Синье.

— Ой, да ладно тебе, — захихикал Хуа Юйюй в трубку. — Боишься, что его ночью в мешок засунут и унесут?

Яньчэн умолк.

Если подумать — и правда. Синье совершеннолетний, метр восемьдесят ростом. Даже если бы он был хилым и пугливым — а он таковым явно не являлся — никакие ночные улицы ему не страшны. Тем более что в районе четвёртой кольцевой с безопасностью всегда было хорошо.

Не его дело вмешиваться в личную жизнь взрослого человека, как родитель — в дела ребёнка. С другой стороны, случись что — Профессор Янь спросит с него по всей строгости.

— Пусть раньше заканчивает. Твоей кондитерской незачем работать так поздно, — произнёс Яньчэн чуть суше обычного и, подумав секунду, добавил: — И как работодатель ты должен понимать: то, что он временный сотрудник, не значит, что можно гонять его как ломовую лошадь. Он всё-таки мой младший товарищ по учёбе, а не твой личный слуга.

— О-о, сердечко щемит? — В голосе Хуа Юйюя мелькнула едва слышная горчинка — зависть просочилась сквозь провод.

И без того несладко — Синье помыкает им как хочет, а тут ещё старый друг в обидчиках обвиняет. Это уж слишком.

— Ладно, у меня работа, — сказал Яньчэн с лёгкой усмешкой и собрался вешать трубку.

— Поговорю с Синье, — буркнул Хуа Юйюй.

Яньчэн опустил потухший экран телефона и в недоумении чуть прищурился.

Разве в таком деле нужно советоваться с подчинённым?

Звонок возымел действие незамедлительно.

С того дня Су Синье стал возвращаться на два часа раньше — неизменно до половины одиннадцатого. Правда, влетал домой чуть запыхавшимся, словно бежал от самой остановки.

Яньчэн этим не интересовался. Спрашивать не в его привычках.

Синье с порога уходил в ванную, а выходил уже с мокрыми волосами — и тут же тянулся к Яньчэну, выискивая повод поговорить. Не находил — садился в гостиной с телефоном или уходил к себе, делиться новостями с друзьями.

Между ними двумя становилось всё теплее.

Яньчэн и сам замечал, как изменился Синье: куда делась та скованность первых дней? Теперь он смеялся легко, заговаривал первым, при любой возможности оказывался рядом — будто нарочно искал способы попасться на глаза.

Однажды вечером Яньчэн сидел на диване с книгой. Синье вышел из ванной беззвучно, подкрался сзади, положил руки на спинку дивана и мягким голосом позвал: «Доктор Бай».

Потом начал медленно соскальзывать вниз — как ребёнок, который специально валится набок, — и едва не рухнул Яньчэну прямо в колени.

Яньчэн успел подхватить его. Их взгляды встретились — Синье немного притих, но уходить не стал. Уселся рядом как послушный котёнок: руки обхватили колени, щека легла на них, а из-под растрёпанной чёлки — без очков, с простым и доверчивым лицом — смотрели глаза, от которых трудно было отвести взгляд. Ни тени хитрости. Просто ждал.

В такие моменты Яньчэн невольно улыбался — мягко, чуть растерянно. Тянулся рукой, ерошил Синье светлые мягкие волосы. Тот сразу таял.

И каждый раз в голове у Яньчэна всплывало одно и то же: вот беда — какой же липучий.

Образ парня в его восприятии давно сменился: застенчивый социофоб превратился в болтливого привязалу.

В тот вечер трудолюбивый Доктор Бай снова задержался на два часа. Выйдя из института, он не спешил — шёл пешком по пустынной улице под россыпью звёзд, вдыхая влажный ночной воздух, и поймал себя на неожиданной мысли: уходить не хочется.

Давно он не заходил в «Цветочную шкатулку» просто так, для души. Решение пришло само: свернул на соседнюю улицу, остановился у дверей бара, бросил взгляд на часы — и зашёл, не предупреждая Хуа Юйюя.

Охранник у входа был старым знакомым. Завидев Яньчэна, расплылся в улыбке и проводил его в зал.

В будний вечер «Цветочная шкатулка» была набита до отказа. Ни одного свободного места ни у стойки, ни за столиками — всюду молодые, нарядные люди. Яньчэн этого не ожидал.

Зато его любимый угол с диванами пустовал — туда другие гости обычно и не заглядывали. Яньчэн устроился там и с улыбкой кивнул охраннику:

— Неплохо идут дела. Хуа Юйюй небось доволен.

Тот улыбнулся в ответ и, чтобы перекрыть гул толпы, наклонился поближе:

— Доктор Бай, бар недавно пригласил постоянного исполнителя. Большинство гостей сегодня пришли ради Одиннадцатого. Не преувеличиваю: «Цветочная шкатулка» теперь настоящее место паломничества — в сети о ней говорят все.

— Одиннадцатый? — В голосе Яньчэна мелькнуло лёгкое любопытство.

Охранник нагнулся ещё ниже, повысив голос:

— Музыкант. Играет на гитаре, поёт — зал с ума сходит. В своих кругах — настоящая звезда. Все его зовут Одиннадцатый.

Яньчэн понимающе кивнул и чуть успокаивающим жестом опустил руку:

— Ясно.

— Принесу вам что-нибудь выпить. Одиннадцатый вот-вот выйдет на сцену — он поёт потрясающе, обязательно послушайте. Я пока дам знать Брату Юй, что вы здесь.

Охранник поднялся и исчез в направлении стойки.

Яньчэн проследил за ним взглядом — скользнул мимо бара, мимо столиков, и остановился на освещённой квадратной сцене в центре зала.

Он ждал вместе со всеми остальными.

<http://bllate.org/book/19920/1990409>